

Vera Lourié
Stichotvorenija
Poems

BERLIN VERLAG
Arno Spitz

Brotherly Love
course 1921-1922

September 1921-1922

1921-1922

6

11 Стод. с. т. о.

Небо и ному инре гаканов ауму,
нага норо гана (на) офроениу шга;
Шига, нешгабо меде бо шгана реана
Шбоу а нага саваново шгага...

Зана нага ванав: енур шготи и
суггани,
Невоныро ва шгедуму Шогегенбо
Еваново енурен нур еуба Шаво
и еуба а бо медро нодуно ро,
шгегуо

Но шго нбавот шогунбеле а не енур
и шгаванов а не енур шгегунбо
Шогенумуе нора му аубе нуро
и шгунго а шга шгегуо шгго.

* На думунге. Точновганесе
55. М. 55.

Нур нагануе гунуе еуба,
Шигепану шурет брегбо ноненесе,
* думунге нанонуму еуба,
и гунуе, гануе шугуе.

Шегунгю буггеро и нануе еуба шга,
шга бо енурен, га енурену шгегуа
енденанов бо нбавот енурену
шгго,
Нанонумуе енурену шгегуо нур,

Нануе енурену, нур нуроггеро нур,
нур бег шгегунбеле шгегуо нур,
и нурену шга шугуе бегунуе
енур
Про нур шгегуо габнумуе нур
- нур

X Pro nobis omnes peccatis. Responde
Totus tabernaculus tuus memento
et de faculo inferentium memento
Bene quoniam memento omni memento
et quoniam, in peccatis memento.

Dabo gratiam et misericordiam
memento memento peccatis et peccatis,
et peccatis memento memento et peccatis,
memento peccatis, et memento peccatis.

de peccatis peccatis. et peccatis,
et peccatis et peccatis peccatis,
et peccatis et peccatis peccatis
Pro omni bonorum generatione.

et peccatis peccatis peccatis
et peccatis peccatis, et peccatis
et peccatis peccatis peccatis,
et peccatis peccatis et peccatis,
et peccatis peccatis et peccatis,
et peccatis peccatis et peccatis.

• Totus tabernaculus tuus memento
et de peccatis et peccatis.
Bene quoniam memento, et peccatis
et peccatis et peccatis et peccatis.

NU NA NENUNO...
NU EN...
NU EN...

Stochyge med. 50. M. 50.
Targ...
T...
T...

Targ...
T...
T...
T...

Nare...
Tore...
T...
C...

много бреним

То. М. То.

много бреним! и некоего мовенца,
наво дечна наивенце на мубо...
за нече мубо рфе, мовено казводичи,
но божуо бочпекуно и фавилу божуо,

и евангелио мачовенце дужуо!
т мо мубо дубо дубо и фавилу мубо,
о мубо дубо дубо дубо дубо,
о мубо дубо дубо дубо дубо!

и дубо д, мубо дубо мубо мубо мубо
дубо дубо мачовенце, мубо мубо
дубо мубо.

дубо дубо дубо дубо дубо дубо дубо
дубо дубо дубо "мубо", мубо дубо мубо
дубо дубо.

(дубо)

и мубо мубо мубо: дубо дубо мубо дубо
мубо мубо мубо дубо дубо мубо
мубо мубо, мубо мубо, и мубо мубо мубо
мубо мубо мубо дубо дубо мубо.

и дубо мубо мубо мубо мубо мубо,
- мубо

ма мубо мубо мубо мубо мубо!
и дубо мубо мубо мубо мубо...
и мубо мубо мубо мубо мубо.

дубо дубо дубо, а мубо мубо мубо мубо,
мубо дубо дубо мубо мубо мубо мубо.
мубо мубо мубо мубо мубо мубо мубо,
мубо дубо мубо мубо мубо мубо мубо.

и мубо мубо мубо мубо мубо мубо
и дубо мубо мубо мубо мубо мубо мубо
мубо мубо мубо мубо мубо мубо мубо

Л. М.

Не надо ни воев, ни оговоров!
Лето и лето не спити не спити,
и Смерть и Смерть не спити не спити,
да и воев и воев не о воев!

Ты не говори не говори, не говори,
и не о воев, и не о воев,
и не о воев, и не о воев,
и не о воев, и не о воев.

И воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев.

на воев не воев. (7. 1. 1915)
Про воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев.

И воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев.

И воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев.

И воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев,
и воев и воев и воев и воев.

27 no okmed 1-2.

~~27 no okmed 1-2.~~
2. Sychy no mbovno emonamw
Terebentol nimmw,
u bee mlogamw, u bee omgamw
za gofpor "mposamw!"

3. bo mpozamw mboi ebemw ogra
4. eay na noemw ro
u ne omw emagwano bura
mpano no pominu semwro.

no 5. omw oca mbo no mowow
~~6. omw oca mbo mowow~~
~~7. omw oca mbo mowow~~
u 8. omw oca mbo mowow,
9. omw oca mbo mowow
u 10. omw oca mbo mowow
mowow mowow bo omw mowow.

11. Sypce omw, mpozamw beo no omwa
repmw obo no mowow mowow
u mowow mowow mowow mowow

12. mpozamw beo no mowow mowow
- mowow,

13. omw beo beo! ne bo mowow mowow
14. mowow mowow mowow mowow
15. mowow mowow mowow mowow
16. mowow mowow mowow mowow

17. omw beo beo u mowow beo beo
18. omw beo beo mowow mowow
19. omw beo beo mowow mowow
20. omw beo beo mowow mowow

Вера Лурье

1. Термиз 31. 10. 84

Многоуважаемая редакция,

Не откажите в любезности, опубликовать в Вашей уважаемой газете мой проект под названием «Об мне» г. Эдуарда Штейна.

Несколько месяцев тому назад г. Штейн был у меня в Термизе и попросил дать ему интервью о моем знакомстве с А. Белым, Тумилевым, затем о моей личной жизни. Г. Штейн искал мои слова и своей стеной меня скомпрометировал. Я никогда и никуда не провозила никакого Тельника никогда не утверждала, что в ~~то~~ мне были близкими Белым, Тумилев и Вацов. Во время Тумлера мне видел не только петлях Скоропадский, мой отец не был похорожен во всеми воинскими почестями и еще много других лиц написав в своей стеной. Свое стеной г. Штейн мне прислал на протяжении до ее напечатания, и я определенно запретила опубликовать в печати эту стеной.

Благодарю Вас заранее
искренняя Вас Вера Л.

Главный редактор Вадим Крейд

Редакционная коллегия:

Сергей Голлербах

Марина Ледковская

Марк Раев

Всеволод Сечкарев

Валентина Синкевич

Зоя Юрьева

Секретарь редакции

Екатерина А. Брейтбарт

Обложка художника Мстислава Добужинского

THE NEW REVIEW

DECEMBER 1996

© 1996 by THE NEW REVIEW

Присланные рукописи не возвращаются

Просим издательства, редакции газет и журналов СНГ всякий раз ставить нас в известность о намерении перепечатать произведения, когда-либо помещенные на страницах "Нового Журнала"

Редакционная коллегия

THE NEW REVIEW (ISSN 0029-5337) is published quarterly by The New Review Inc., 611 Broadway, #842, New York, N. Y. 10012. Second Class postage paid at New York, N. Y. Publication No. 596680. POSTMASTER: Send address changes to The New Review, 611 Broadway, #842, New York, N. Y. 10012

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Дружников — Когда исполняется 176	5
Ирина Муравьева — Белая дорога через лес	11
Николай Сарафанников — Стихи	26
Владимир Лазарев — Стихи	29
Георгий Демидов — Классики литературы и лагерная самодеятельность	31
Любовь Зиновьева — Болезнь	58
Григорий Марк — Стихи	64
Всеволод Сечкарев — Резонеры-философы (окончание)	66
Владимир Купченко — Единственная заповедь: "Гори!"	79
Татьяна Царькова — Стихи	96
Григорий Марковский — Стихи	99
Анатолий Шевриц — Сладкий запах травы	102

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Зинаида Гиппиус — Золотые сны (публикация Т. Пахмусс)	153
Вера Лурье — Воспоминания (публикация Г. Поляка)	158

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА

Юрий Фельштинский — Возжи в законе (Ленин и Свердлов) ...	182
Руслан Скрынников — Дуэль Пушкина	226

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Яков Липкович — О Владимире Адмони	257
Ольга Максимова — О мастерстве и национальности	265
Иван Мартынов — Нет правды среди людей, убивающих друг друга	270
Белла Езерская — "Современник" на Бродвее	276

под напев керосинового примуса декламируя вслух любимые стихи Анны Ахматовой.

На этом фоне проходило мое недолгое знакомство с Н. С. Гумилевым. Гумилев читал в петроградском "Доме Искусства" лекции по стихосложению.

Гумилев был основателем акмеизма, литературного течения, последовавшего за символизмом. Акмеисты не искали потустороннего смысла и, утомленные мистикой и символами, в своих произведениях воспевали жизнь с ее реальными ощущениями. Они обращали большое внимание на форму стиха, на чистоту и новизну рифмы, на яркость образов, на ритм. Для них стихосложение было не только духовной необходимостью, но и ремеслом, которое изучением, работой и прилежанием можно было совершенствовать.

Лектором Гумилев был очень интересным и хорошим учителем по стихосложению. Я могу судить по своим собственным стихам, они стали четкими, ритмичными, в них не повторялись избитые рифмы, и не только у меня, но и у других молодых студистов, благодаря разборам и критике стихов во время совместных занятий, были заметны большие успехи!

Вечера в "Доме Искусства" и лекции Николая Степановича были так давно и столько за последующие годы было пережито, что мне трудно было бы реконструировать в памяти это время в подробностях. У меня как бы остались запечатлевшимися отдельные фрагменты тех дней.

Длинный стол, за которым сидим мы, студисты. В комнату входит Николай Степанович в меховой дохе и в меховой шапке, сподобившись, не спеша снимает доху и шапку, садится за стол, смотрит на нас, прищурив слегка левый глаз, затем вынимает и кладет перед собой на стол черепашков портсигар, почему-то напоминавший мне большую мыльницу.

Гумилева можно было назвать некрасивым с его длинной конусообразной головой и с серыми узкими глазами, но у него был свой шарм, свое очарование, и я, влюбленная девочка, писала:

Вы глядите на всех свысока.

И в глазах Ваших серых тоска.

Я люблю Ваш опущенный взгляд.

Вера Лурье

ВОСПОМИНАНИЯ

Старейшая русская поэтесса, литературный критик и мемуарист Вера Осиповна Лурье (ей исполнилось 95 лет) живет в Берлине безвыездно уже более 75 лет. Ее литературная жизнь сложилась очень трагично. После 1923 года ее имя надолго сошло со страниц русскоязычной прессы. За это время было опубликовано в зарубежной печати не более 15 стихотворений и два небольших мемуарных очерка. Однако, все эти годы Вера Осиповна продолжала писать стихи и прозу (правда, по-немецки). Ее поэтический путь можно проследить по сборнику стихов, выпущенному в Берлине в 1987 г. стараниями профессора Томаса Байера. Ее автобиография "письма к другу" (по-немецки) еще ждет своего издателя. Предлагаемые ниже фрагменты из "Воспоминаний" готовятся к выходу в издательстве "Северный век".

Григорий Поляк

1

Когда я хочу представить себе Петроград, тот Петроград, из которого в туманный дождливый вечер, как я писала, полав за границу, "... унес меня в чужие страны одноцветный длинный эшелон", то я вижу перед глазами набережную Невы, где я, бывало, стояла часами, глядя на плывущие по небу облака, исчезающие за шпилем Петропавловской крепости, и улицы, проросшие травой, запущенные и любимые, и воздух петроградский, свежий, пьянящий и наполняющий душу смутными, неясными желаниями и надеждами на неизведанное будущее! Быть может, все было не так, но мне было девятнадцать лет и таким я ощущала Петроград, таская на четвертый этаж воду, раскалывая дворничком колуном дрова и

Так восточные боги глядят!
 Ваши сжатые губы бледны.
 По ночам вижу грешные сны!
 Вы умеете ласковым быть.
 Ваших ласк никогда не забыть!
 А когда Вы со мной холодны,
 Ненавижу улыбку весны!
 Мы случайно столкнулись в пути.
 Мне от Вас никуда не уйти.
 И усердно я Бога молю,
 Чт'об сказали Вы слово "люблю".
 И по картам гадаю на Вас
 Каждый вечер в двенадцатый час!

Однажды вечером в одном из залов "Дома Искусства" под чей-то аккомпанимент на рояле начали танцевать. В углу с папиросой во рту и как всегда в белых носках, свисающих поверх ботинок, стоял Гумилев. Погруженный в разговор с Осипом Манделштамом. Я была в компании наших студистов и на пари пошла пригласить танцевать Гумилева, с которым в то время почти еще не была знакома. Он улыбнулся, отошел от Манделштама и, любезно предложив мне руку, сказал: "Я не танцую, но даме не могу отказать". Пари было мною выиграно!

Мы часто встречались вне лекций. В день моего рождения, когда мне минуло двадцать лет, я устроила вечеринку. Николай Степанович был у меня в гостях. Ввиду военного положения в Петрограде мы большой компанией провели всю ночь в моей квартире. Мы рассказывали тут же придуманную фантастическую историю, которую один продолжал рассказывать за другим.

Николай Степанович был в тот вечер очень благосклонен ко мне. На следующий день я очень волновалась увидеть его в студии, но меня встретил, как всегда, обычный Гумилев, вчерашнее было забыто!

Студию "Дома Искусства" посещали две дочери фотографа Наппельбаума, фотография их отца помещалась на Невском проспекте, недалеко от Николаевского вокзала. У них в квартире мы

тоже иногда собирались, туда же приходил Николай Степанович. У меня сохранилась фотография, снятая незадолго до его смерти.

Николай Степанович сидит в середине группы, в правой руке он держит папиросу. Руки у него были очень красивые, длинные и тонкие пальцы. И кажется мне он таким молодым, почти мальчиком на этом снимке. Рядом с ним сидит Ирина Одоевцева с большим бантом в волосах, который она в те годы постоянно носила, у ног его расположился, почему-то в кепке на голове, поэт Георгий Иванов, слушатели его лекций стоят вокруг него, совсем позади виднеется голова Николая Тихонова.

Насколько Гумилев держался официально-корректно во время занятий в студии, настолько он был простым, старшим товарищем молодежи помимо занятий. Мы совершали совместные прогулки, и тут снова мне видится гранитная набережная Невы, и Летний Сад, и Марсово Поле.

Но Гумилев мог быть очень неприятен и заносчив. Однажды он читал, поскольку помнится, в "Доме Писателя", где-то не то на Моховой, не то на Литейном, доклад и обратился к публике со словами: "Господа!" После доклада к нему подошел не известный ему человек и сказал, что теперь надо говорить не "господа", но "граждане" или "товарищи". Гумилев посмотрел на него свысока, холодным насмешливым взглядом и процедил сквозь зубы: "Такого дерета не было!"

Я на что-то рассердилась на Николая Степановича. Мы случайно встретились в "Доме Писателя", на этот раз Гумилев пригласил меня танцевать и сказал, что я разговариваю с ним так, как телега едет на несмазанных колесах, и что он хочет, чтобы мы были снова друзьями. Мы дружески попрощались в тот вечер, увидевшись завтра встретиться на вечеринке у Наппельбаумов. Но завтра мы не встретились... Когда я на следующее утро пришла в "Дом Искусства", меня предупредили, чтобы я не входила в комнату, где жил в "Доме Искусства" Гумилев со своей женой, так как там была устроена засада, а сам Гумилев арестован.

Мрачные это были дни в Петрограде. Приблизительно в то же время умер Александр Блок.

Помню, как я вхожу в его квартиру на панихиду. Потом его похороны, на которые пришел весь культурный, литературный, пи-

сательский Петроград. Помню, как кто-то сказал, что если теперь бросить бомбу, то не останется больше интеллигенции в Петрограде!

Последняя жена Гумилева была падчерица Бальмонта. Это была очень хорошенькая, совершенно молодецкая девочка. Она жила где-то вне Петрограда и приехала в Петроград незадолго до ареста Николая Степановича. Во время ареста Гумилева и после его расстрела, ее привели ко мне на квартиру. Она мечтала о сцене, произносила длинные монологи из каких-то пьес, мы старались ее всячески развлекать, но у меня осталось впечатление, что гора своего она полностью не создавала.

Слушатели Гумилева из "Дома Искусства" решили отслужить по нем панихиду. Панихиду заказали в Казанском соборе на Невском проспекте. Батюшку попросили отслужить панихиду по рабе Божьей Николае. Людей было немного. Как раз за несколько дней до панихиды я случайно увидела на улице Анну Ахматову; не будучи с ней даже знакома, я подошла к ней и просила ее прийти в церковь!

На смерть Гумилева я написала стихи:

Никогда не увижу Вас!

Я не верю в эти слова.

Разве солнечный свет погас,

Потемнела небес синева?

Но такой, как и все, этот день...

Только в церкви протяжной звонят

И повисла черная тень!

Не увижу тот серый взгляд!

А последней зеленой весной

Он мимозу напомнил мне.

Подойду и открою окно.

От заката весь город в огне.

В книге стихов "Шатер", вышедшей незадолго до смерти Гумилева, в одном из стихотворений он писал, что хотел бы умереть под той сикоморой, где Мария сидела с Христом.

Слишком трудно идти по дороге.
Слишком трудно глядеть в облака,
В топкой глине запутались ноги,
Длинной плетью повисла рука.

Был он сильным, свободным
и гордым,
И воздвиг он из мрамора дом.
Но не умер под той сикоморой,
Где Мария сидела с Христом!

Он прошел спокойно, утрюмо
Поглядел в черноту небес.
И его последние думы
Знает только северный лес!

Многих из них уже нет больше на свете, как нет и того Берлина двадцатых годов, по асфальтовым чужим улицам которого они бродили, оторванные от родной почвы, сидели до рассвета во многотолдных кофейнях, ведя свои бесконечные русские споры, философствуя и беседуя, всегда отличаясь своим обликом, своим чем-то неизгладимо русским от других посетителей. Тот Берлин тоже давно перестал существовать, бомбы и воздушные мины уничтожили его внешний облик, стерли его с лица земли! Когда проходишь теперь по Западному Берлину, с его новыми многоэтажными зданиями, со строящимся туннелем для автомашин, с шумным движением на главных магистралах, где трамваи заменены гигантами автобусами, то ничто больше не напоминает о них, о тех, которых тогда, после революции, судьба занесла сюда.

На Курфюрстенштрассе, в кафе Ландграф, раз в неделю устраивались русские литературные вечера под громким названием "Дом Искусства". Организаторами этих встреч были поэт Николай Минский и известная переводчица Венгерова. Приходили туда самые различные представители русской культуры, как эмигранты,

так и приезжавшие из Советского Союза в командировку за границу, поэтому на этих вечерах можно было встретить людей самых различных.

Помню, как я, только что приехав в Берлин из Петрограда, попала в Дом Искусства. Была я тогда очень молода, писала стихи и принадлежала к кружку молодых поэтов, группировавшихся вокруг уже к тому времени убитого Николая Степановича Гумилева. Привел меня в кафе Ландграф, поскольку помнится, Сергей Авдеевич Оцул, с братом которого, поэтом Николаем Оцулом, я была знакома по Петрограду. Мое первое выступление в Доме Искусства было посвящено Петроградскому Цеху Поэтов, о котором, по просьбе Н. Минского, я прочла маленький доклад. С тех пор прошло лет тридцать пять. Многие из того времени исчезло из моей памяти, поблекло, потемнело. Но некоторые встречи навсегда запомнились, зарубцевались в памяти!

Николай Минский, поэт и переводчик. Седовласый толстяк, всей душой преданный делу русской культуры, всегда в волнении, чтобы литературный вечер удался, чтобы обещавший выступить писатель или поэт не подвел и действительно явился бы. Это не мешало Минскому любить молодежь, а так как в то время — это было еще до появления на берлинском горизонте Марины Цветаевой и других русских поэтов — я была единственной молодой поэтессой в берлинском Доме Искусства, то Н. Минский прозвал меня литературным Венямином.

Помню свою гордость и свое волнение, когда мне пришлось впервые разговаривать с Андреем Бельым — Борисом Николаевичем Бугаевым. Автор "Петербурга" и "Серебряного голубя" подошел ко мне после литературного вечера и предложил мне дать ему мои стихи для журнала "Эпопея", издаваемого Вишняком, под редакцией Белого. Стихи мои не были напечатаны в этом журнале, так как г. Вишняку они определенно не понравились, и он даже предлагал мне сделать подарок, чтобы я только отказалась дать свои стихи для "Эпопеи"! Был ли он прав в своей критике моих стихов — судить не мне, вспоминаю я это теперь с улыбкой, но тогда, когда мне было лет двадцать, я была искренне огорчена и оскорблена таким предложением.

Но после этого печального происшествия я часто встречалась с

Андреем Бельым в те берлинские годы и провела с ним много незабываемых часов.

Момент, настроение, желание уйти от самого себя, от тяжести своего собственного гения, от опротивевших ему давно редакторов, журналистов, литераторов... — Андрей Белый остановил свой взгляд на мне, на моей молодости.

Андрей Белый был всегда иной, его настроения менялись, то он был ласков, дружелюбен, лобезен, то впадал в мрак или уходил в самого себя, и меня встречал тогда чуждой и холодной Андрей Белый, который не понимал, зачем я явилась и что мне, собственно, от него надо. Он был труден в личных отношениях, часто мучителен: с точки зрения обыкновенного человека, его можно было считать эгоистичным, но к его личности не применимы были обыкновенные масштабы. Мистик и философ, пророк и ясновидящий, с одной стороны, Андрей Белый, с другой стороны, унаследовал от отца своего, знаменитого профессора математики Бугаева, чисто абстрактный, холодный, математический ум. И таким образом его внутренняя духовная жизнь была лишена гармонии, и он находился в вечном разладе с самим собой. Я много читала произведений Андрея Белого, но когда он читал свои произведения или рассказывал что-нибудь, то, мне кажется, он сам был еще замечательнее своих произведений. У Бориса Николаевича были особенные глаза, узкие, зеленовато-серые, светившиеся каким-то внутренним сиянием.

Одно время он жил в пансионе в Шенеберге. Там он писал свои воспоминания о Блоке. В то время я бывала у него почти ежедневно. Дома он носил на голове обыкновенно черную ермолку. Он легко мерз и пил много горячего чаю. Читал мне вслух свои воспоминания о Блоке, которые готовил для напечатания в "Эпопее". Он мне также много рассказывал о юноше Блоке и о своей дружбе с ним, о том, как он, Белый, полюбил жену Блока, о том, как поглотили они с Блоком отошли один от другого. Белый также много говорил о творчестве Блока и о происхождении Незнакомки.

В эту же эпоху он объяснил мне значение и смысл своей книги "Глоссалогия", как раз появившейся в печати. Белый был антропософом. Об этом движении он тоже говорил со мною. Помнится мне, как однажды я застала Бориса Николаевича совершенно боль-

ным и расстроенным, на мои вопросы, что с ним случилось, он рассказал мне совершенно серьезно, что так как в Дорнахе сгорел купол антропософского храма, в котором была заложена его голова, то теперь с ним должно непременно случиться большое несчастье. Так суверен он был.

Андрей Белый много пил, пил он от тоски и от внутренней неответственности, я думаю, что жизнь вне России была для него нелетальной. Пил он обычно вне круга своих знакомых, в каких-то маленьких немецких пивнушках, делая там совершенно невероятные знакомства, от которых он на следующий день не знал, как отделаться. Иногда по вечерам мы с ним ходили в большое угловое кафе на Виктория-Луизе Плагц в Шенеберге. Он носил длинный черный скюртук и вместо галстука широкий черный шелковый бант и походил в этой одежде не то на профессора, не то на художника. Выпив, Борис Николаевич танцевал со мною под музыку модных в те годы фокстротов и английских вальсов какой-то своеобразный ритмический танец. Немцы, сидевшие за соседними столиками, приходили в восторг, аплодировали и часто преподносили нам цветы.

Однажды весною Андрею Белому все надоело. Берлин и окружающие его люди, и он исчез с берлинского горизонта. После долгих исканий мне удалось разыскать его в Поссене, в маленьком местечке, час езды поездом от Берлина. Там он поселился в двухкомнатном домишке у простой пожилой немки. Несколькими раз я его там навещала. Помнится, что от вокзала надо было еще идти довольно долго по раскаленному от солнца пыльному деревенскому шоссе. Но и там Белый долго не пробыл, и там не нашел себе покоя. Вскоре мы встретились в Свиномонде, порт и курорт на побережье Балтийского моря, куда Белый приехал по приглашению издателя Каплуна. Из того времени мне запомнились следующие случаи. Мы сидели компанией в одном ночном кабаке, и там выступал артист в виде факира. Вдруг Андрей Белый возмущенно вскочил, взбежал на эстраду и доказал с безжалостной холодной логикой и математической точностью лже-факиру, что он просто мошенник, обманывающий своими трюками публику. Нам всем было неприятно и жаль развенчанного человека. Но таков был Борис Николаевич, он действовал всегда неожиданно под влиянием настроения в данную минуту.

После Свиномонды я с Белым уже мало встречалась. Приехала из Москвы одна антропософка, его большой старый друг, и у него не было ни интереса, ни времени со мною встречаться. Незадолго до его отъезда на родину я увидела его на улице, он обрадовался, звал зайти. Я была у него и провожала его на вокзал, когда он покидал Берлин и уезжал домой.

Больше мне никогда не пришлось увидеть Андрея Белого — Бориса Николаевича Бугаева, он исчез из моей жизни, я его проводила навсегда, только в памяти остались те берлинские встречи как незаслуженный подарок на моем жизненном пути.

3

Недалеко от Галлешестор, во втором дворе сумрачного дома, на третьем этаже помещалась редакция газеты "Дни". Редактором литературного отдела был в то время Михаил Андреевич Осоргин. Вспоминаю наше первое знакомство. Мне навстречу встает высокий худощавый блондин с на редкость приятной и в то же время слегка насмешливой улыбкой на бледном лице, с добрыми глазами. Было тогда Осоргину лет сорок восемь-сорок девять, но выглядел он значительно моложе своих лет. Он дал мне сразу несколько книг и срок назначил для написания критик крайне короткий. Помню, я испугалась, как мне справиться с таким количеством литературы. Но оказалось, что это только дело навыка, и вскоре я привыкла писать свои критики быстро и иногда чересчур смело. Это привело к нескольким комическим эпизодам.

Попались мне как-то для критики стихи поэтессы Кальмы. Теперь я этих стихов, конечно, совершенно не помню больше, но тогда они мне не понравились, и я их очень резко раскритиковала в "Днях". Через некоторое время на литературном вечере в кафе Ландграф ко мне подходит не известный мне человек, представляется как писатель Коноплин, заявляет, что он муж поэтессы Кальмы, и говорит: "Ваше счастье, что Вы женщина, а то я вызвал бы Вас на дуэль!" Другой раз, не могу даже вспомнить своих прегрешений, я чем-то вызвала приступ сильного гнева в приехавшем из Советского Союза Шкловском. В помещении одного из русских

ей вывозить на себѣ и папашу, какъ бочка, и мамашу, какъ щепка, и каменный домъ съ мостовой на дворѣ, — ей, пополнившей даже, много разъ стриженной всюду, въ банѣ подпрятавшей сало свиное лукаво — ?!

3. И среди всего чужого вставляетъ (абсолютно не измѣнивъ!) свой старый рассказъ о волкахъ изъ „Быльи“.

„Волкъ долго лежалъ, положивъ голову на лапы и сумрачно глядя передъ собой тусклыми своими глазами, лежалъ неподвижно, въ усталости тоскованіи и сумракѣ. А день былъ солнечный“... и т. д.

Создается ощущение тяжелой, невозможной словесной тряски: — когда же своя-то, ровная дорога пойдетъ? Есть ли она?

Есть. Въ этой же книжкѣ „Съездъ Волсовѣтовъ“ сдѣланъ первокласснымъ мастеромъ, тонко, четко, — прекрасно!

Почему же при несомнѣнномъ талантѣ — заимствованія, сломы, формальная и сюжетная несамостоятельность? Это — тайна писателя. Если она отъ начинающейся внутренней пустоты — тогда писателю плохо. Но о Пильнякѣ не хочется такъ думать. Отъ него хочется ждать сильнаго, свѣжаго, „совсѣмъ своего“. Пусть только не торопится.

Ром. Гуль.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Послѣ разлуки. Берлинскій пѣсенникъ. Изд. „Эпоха“. Петербургъ—Верлинь. 1922.

При критическомъ разборѣ стиховъ, не случайно подобранныхъ, а являющихся звеньями одной цѣпи, гдѣ каждое звено дополняетъ и продолжаетъ другое, встаютъ три главныхъ тезиса: — 1) цѣль поэта: то, къ чему онъ стремится, 2) значеніе даннаго сборника для исторіи и теоріи поэзіи и, наконецъ, 3) форма и художественная цѣнность стиховъ.

Въ „Послѣ разлуки“ БѢлый провозглашаетъ новую школу; вступленіе начинается онъ словами: „Будемъ искать мелодіи“, и кончается: „И да здравствуетъ мелодизмъ!“

Послушаемъ самого поэта.

„Эта маленькая тетрадь — поиски формы.“ Дальше говоритъ онъ о томъ, что послѣ символизма не было ни одной значительной школы, т. к. неумѣренное употребленіе образовъ и излишнее развитіе узоровъ ритмическихъ за счетъ мелодіи убиваетъ стихъ. Что же такое мелодія? — Это мѣсто пересѣченія ритма со смысломъ, интонаціонный жестъ.

„Поэтъ носить въ себѣ мелодіи: онъ композиторъ.“

„Лирическое стихотвореніе — пѣсня.“

БѢлый не можетъ ограничиться уже созданнымъ, не можетъ творить въ рамкахъ, онъ всегда ищетъ выхода въ новое, не-

извѣстное, и, совершенно понятно, что именно онъ, для котораго образъ есть отображеніе „иного“, звукъ и слово — живыя нити, связующія съ вѣчнымъ, пришелъ къ мелодизму, построенному на звуковой гармоніи и на дыханіи; вѣдь, это первый шагъ къ гипнозу словъ, къ заклинательной силѣ стиха! Конечно, необходимо отмѣтить, что не придумалъ БѢлый рецепта, по которому изготовилъ сборникъ стиховъ, а подсознательно: черезъ стихи, черезъ свое творческое вдохновеніе, пришелъ онъ къ теоретической школѣ. Еще въ стихахъ, написанныхъ поэтомъ въ Москвѣ, особенной разстановкой словъ и паузъ, повтореніями, достигаетъ онъ приковывающей, внутренней силы.

„Невзрачно

Сложимся подъ пологомъ окна,
Надъ магіей мѣсячной, надъ брошенною брызнью.

Всего на мигъ одинъ —

— (А ночь длинна —
Длинна!) —

Всего на мигъ одинъ:
Сіяющею жизнью.“

„Послѣ разлуки“ дѣйствительно пѣсенникъ: БѢлый не ищетъ ни образовъ, ни красокъ, ни даже ритмовъ, они мелькаютъ сами, а ему надо только пѣть:

„Потому что такъ хочется въ брызнь
Угѣхъ.“

Какая безнадежная грусть, тяжелая усталость звучитъ во всѣхъ стихахъ поэта!

„Сердце исплакалось: плакать
Нѣтъ
Мочи!..“

И хочетъ онъ укачать, убаюкать себя своими пѣснями, самъ себя заклинаетъ своими стихами.

БѢлый вполне поэтъ вдохновенья, послѣ долгаго молчанія, творить онъ разомъ, безъ перерыва, почти весь сборникъ „Послѣ разлуки“.

Кромѣ значенія новой поэтической школы, т. к., пусть другіе и приближались къ мелодизму, но до БѢлаго никто не созналъ и не опредѣлилъ его; кромѣ новаго пути, на который указываетъ поэтъ, пути, гдѣ стихи перестанутъ быть только художественнымъ произведеніемъ, а получатъ космическую силу, и поэтъ изъ художника слова превратится въ мага-заклинателя, стихи „Послѣ разлуки“ своими мягкими и легкими ритмами, удивительными звуковыми сочетаніями, а главное, совсѣмъ простыми словами, проникаютъ въ душу и становятся близкими и любимыми.

В. Л.

Amper

Westminster, 56

Berlin - Hesper

Franklin V. Bourne

Андрей Белый
выборка стихов.

Перец

Стихи о России.

Импрессионизм.

Над страной моей родною —
Встаёт смерть.

А. Белый.